

Глава 1. Понятие о догматическом богословии

1.1. Предмет догматического богословия. Понятие о догматах

Православное догматическое богословие — наука, в систематическом порядке раскрывающая содержание основных христианских вероучительных истин (догматов), принимаемых всей полнотой Православной Церкви. Термин «догмат» (греч. τὸ δόγμα, множественное число τὰ δόγματα) происходит от греческого глагола δοκέω (думать, считать, полагать). Этот термин имеет дохристианскую историю. В античной философии им обозначались аксиомы (постулаты), не требующие доказательств, лежащие в основе той или иной системы. Например, Платон в своем труде «Государство» (IV в. до Р. Х.) называл догматами правила и нормы, относящиеся к понятиям о справедливости и о прекрасном³⁴. Сенека (I в. по Р. Х.) этим же термином обозначал основы нравственного закона, которому должен следовать каждый человек³⁵. И, наконец, в связи с присутствием в термине некоего оттенка обязательности, его применяли и по отношению к постановлениям высшей государственной власти³⁶. По этой причине и христианские писатели, имея в виду античных языческих авторов, могли говорить о «греческих догматах» (δόγματα ἑλληνικά)³⁷. В Новом Завете слово «догмат» употребляется в нескольких значениях. Например, оно может обозначать некоторое постановление. Так, в Евангелии от Луки словом «δόγμα» назван указ кесаря Августа Октавиана о проведении переписи в восточных провинциях Римской империи (см.: [Лк.2:1](#)). В Книге Деяний «τὰ δόγματα» названы постановления Первого Иерусалимского Апостольского собора (см.: [Деян.16:4](#)). В посланиях ап. Павла (см.: [Кол.2:14](#); [Еф.2:15](#)) данный термин употреблен либо для обозначения постановлений закона Моисея, либо для обозначения христианского учения во всей полноте³⁸. В этом смысле данный термин употреблялся сщмч. Игнатием Антиохийским, мч. Иустином Философом, Климентом Александрийским и [Оригеном](#), и именно такое его

понимание было в целом характерно для христианских авторов II — начала IV вв.³⁹

Изменение значения этого термина происходит в IV в., когда некоторые отцы Церкви, стремясь систематизировать христианское учение, начинают проводить различие между вероучительными и нравоучительными истинами. Это различие встречается у свят. Кирилла Иерусалимского, у свят. Григория Нисского и — на рубеже IV-V вв. — у свят. Иоанна Златоуста. Все они называли в Откровении догматом только то, что относится к области веры, а не нравственности. Таким образом, термин «догмат» закрепляется за истинами вероучительными⁴⁰.

В дальнейшем объем этого понятия был еще более сужен, и в последующие века под догматами стали понимать преимущественно те *вероучительные истины*, которые обсуждались на Вселенских соборах и Вселенскими же соборами утверждались.

Для того чтобы уяснить суть того, что есть догмат, следует рассмотреть свойства догматов.

Б). Свойства догматов

1.2.1. Теологичность (вероучительность)

Первое свойство догматов (свойство по содержанию) — это *теологичность*, «вероучительность». Оно означает, что догмат содержит в себе учение о Боге и Его домостроительстве: главный предмет, о котором говорит нам догмат, — это Бог; все остальные предметы, присутствующие в содержании догмата (человек или мир), находят место здесь лишь постольку, поскольку имеют отношение к Богу. Именно этим догматы отличаются от других истин христианства — истин нравоучительных, литургических, канонических и т. д. Догматы суть истины веры, они стоят выше человеческого опыта, выше познавательных способностей человеческого разума, поэтому дать им «твердую опору» может только Божественное Откровение.

1.2.2. Богооткровенность

Еще одним свойством догматов является *богооткровенность* (свойство догматов по их Источнику). Это свойство означает, что догмат не есть плод деятельности естественного человеческого разума, но результат Божественного Откровения. Именно этим догматы отличаются от любых научных или философских истин. Философские и научные истины основываются на предпосылках, являющихся продуктом работы человеческого разума; догматы же основаны на богооткровенных предпосылках, черпающихся из Божественного Откровения. Этим догматическое богословие как наука отличается от философии и наук о природе и человеке. Ап. Павел говорит: *Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа (Гал.1:11-12)*. Древние христианские авторы, желая акцентировать богооткровенное происхождение догматов, называли их «догматами Господа и апостолов (τοῖς δόγμασιν τοῦ Κυρίου καὶ τῶν ἀποστόλων)»⁴¹ и т. п.

Любые научные и философские истины в большей или меньшей степени являются относительными и по мере развития человеческого знания могут либо вообще отвергаться, либо каким-то образом изменяться или восполняться. Догматы же, основанные на Божественном Откровении, абсолютны и неизменны.

Поскольку свойством догмата является богооткровенность, догматом может почитаться только такая вероучительная истина, которая преподана Иисусом Христом и проповедана Его апостолами. Мнение, высказанное даже глубоко уважаемым отцом Церкви, но не имеющее основания в апостольском Предании, не может быть возведено в степень догмата веры.

1.2.3. Церковность

Число вероучительных истин весьма велико, в то же время вероучительных истин, которые называются догматами, не так много. Это связано с третьим свойством догматов — *церковностью*. Можно сказать, что церковность есть свойство догматов по способу их существования. Оно означает, что только Вселенская Церковь на своих Соборах может признать за той или иной истиной веры догматический авторитет и значение.

В самом деле, вне Церкви не может быть истинных догматов, потому что догматы основываются на предпосылках, заимствованных из Откровения, а Откровение дано не каким-то частным лицам в отдельности, а всей Церкви. Именно Церковь посредством Предания как способа сохранения и распространения Откровения содержит богооткровенную истину. Ап. Павел называет Церковь *столпом и утверждением истины* (1 [Тим.3:15](#)). Отсюда следует вывод, что вне Церкви в строгом смысле слова не может быть догматов. Поэтому, например, в протестантских сообществах, где пресеклось апостольское преемство и нет богоустановленной церковной иерархии, говорить о каких-либо догматах в строгом смысле слова невозможно.

Хотя богооткровенная истина и заключена в Откровении и сама по себе божественна, без специального церковного акта она не может быть возведена в достоинство догмата. Если бы не было Церкви с благодарованными правами и средствами, необходимыми, для того чтобы важнейшие истины веры сформулировать и утвердить в значении догматов, то не было бы и догматического учения. По этой причине свв. отцы, говоря о догматах, именовали их «церковными догматами»⁴².

1.2.4. Общеобязательность (законообязательность)

Это свойство характеризует отношение христианина к догматам и их содержанию. *Законообязательность* можно понимать в двух смыслах.

Во-первых, как формальную законообязательность: Церковь в своем земном аспекте представляет собой некоторую организацию, которая существует в соответствии с определенными правилами и нормами.

Формальная законообязательность догматов выражается в том, что признание их истинности — обязанность всех членов Церкви. Например, когда человек вступает в Церковь, т. е. принимает крещение, он произносит Символ веры, который, безусловно, является вероучительным «документом» догматического характера. Таким образом, признание истинности догматов есть элемент церковной дисциплины и является условием принадлежности к Церкви. Ап. Павел говорит: *Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден* ([Тит.3:10-11](#)).

Во-вторых, следует говорить о законообязательности сотериологической⁴³. Особое внимание здесь следует обратить на слово «самоосужден». Церковь в некоторых случаях может проявлять снисхождение к слабостям человеческой природы, но тем не менее всегда предельно строго относится к тем, кто сознательно стремится исказить богооткровенное учение. В этом, несомненно, проявляется забота Церкви о своих членах. Такая строгость была бы непонятной, если бы законообязательность догматов носила чисто формальный характер. Но формальная законообязательность догматов обусловлена их сотериологической законообязательностью, т. к. догматы имеют непосредственное отношение к человеческому спасению. Они представляют собой фундамент, на котором строится духовная жизнь христианина, являются нормами и правилами, позволяющими человеку религиозно верно организовать свою духовную жизнь. Ап. Павел говорит, что еретик не просто «осужден», т. е. отлучен от Церкви постановлением некоторого церковного органа, а «самоосужден». Человек, извращающий догматы, так или иначе сам себя подводит под осуждение, т. е. в большей или меньшей степени отлучает себя от Бога.

Как пишет В. Н. Лосский, «вся сложная борьба за догматы, которую в течение столетий вела Церковь, представляется нам, если посмотреть на нее с чисто духовной точки зрения, прежде всего неустанной заботой

Церкви в каждой исторической эпохе обеспечивать христианам возможность достижения полноты... соединения с Богом»⁴⁴.

«Догматическое сознание органически связано со всем ходом внутренней духовной жизни. Измените в своем догматическом сознании что-либо, и неизменно изменится в соответствующей мере и ваш духовный облик и вообще образ вашего духовного бытия», — отмечает архим. Софроний (Сахаров)⁴⁵.

Преп. Иустин (Попович) говорит об этом следующим образом: «Так как святые догматы — вечные и спасительные Божественные истины животворящей силой Троичного Божества... преподаются, то в них заключена вся сила новой жизни по Христу, вся сила благодатной евангельской морали. Они — поистине глаголы вечной жизни [Ин.6:68]»⁴⁶.

Рассмотрев свойства догматов, можно дать определение этого понятия. **Догмат** — это теологическая, богооткровенная истина, формулируемая и преподаваемая Церковью как непререкаемое и обязательное для всех верующих правило веры.

В). Догматы и и богословские мнения. Ересь

В истории Римо-Католической церкви просматривается тенденция догматизировать как можно больше богословских постулатов. Для Православия же всегда был характерен противоположный подход — догматизировать только самое необходимое, самое существенное для нашего спасения.

Помимо догматов в Божественном Откровении содержится много таинственного и не вполне ясного. Наличие этой области таинственного в Божественном Откровении и обуславливает существование так называемых **богословских мнений** (теологуменов, греч. θεολογούμενον)⁴⁷.

Богословское мнение — это суждение по вероучительным вопросам, высказанное богословом, группой богословов или каким-либо церковным органом (в том числе Собором), не получившее общецерковного признания. Если догматы являются безусловно истинными, то истинность и значение

Законность существования богословских мнений не означает, однако, что в богословии возможен произвол. По отношению к богословским мнениям, всегда строго выверяемым в соответствии с церковным Преданием, применяются следующие критерии: 1) критерий истинности богословского мнения, который предполагает согласие со Священным Преданием, и 2) критерий допустимости богословского мнения, который предписывает непротиворечие со Священным Преданием. В принципе, догматическое богословие терпит любое богословское мнение, которое соответствует второму критерию.

Примерами богословских мнений являются вопрос о составе человеческой природы (дихотомия, т. е. мнение о том, что человеческая природа слагается из двух составляющих — души и тела, и трихотомия, согласно которой дух является самостоятельным началом в человеке, которое отлично от души не менее радикально, чем душа отлична от тела); вопрос о том, присуща ли ангелам и человеческим душам абсолютная бесплотность или же они обладают некой особой тонкой телесностью; творится ли каждая душа Богом из ничего или происходит неким таинственным образом от душ родителей, и пр.

Как видно, в основном это таинственные вопросы онтологии, не имеющие существенного значения для человеческого спасения, которые вряд ли могут получить окончательное разрешение в веке сем.

От богословских мнений следует отличать некоторые вероучительные истины, признающиеся всей полнотой Православной Церкви, но в строгом смысле слова не являющиеся догматами, поскольку они никогда не обсуждались и не утверждались Вселенскими соборами. Однако некоторые из них имеют значение не меньшее, чем принятые на Соборах догматы. Не обсуждались же они, как правило, по той причине, что относительно этих истин в Церкви никогда не было серьезных разногласий. Примерами таких вероучительных истин могут служить: творение Богом мира «из ничего»,

тварность и бессмертие человеческой души, богоустановленность церковных таинств. Все это — вероучительные истины, безусловно принимаемые всей полнотой Православной Церкви.

В богословской литературе можно встретить и такие выражения, как «*догмат Воскресения*», «*догмат Искупления*», «*догмат о Церкви*». Это также корректные и вполне допустимые выражения.

От частных богословских мнений, которые встречаются у тех или иных богословов, нужно отличать *ложные богословские мнения*, которые в той или иной форме отвергаются церковным авторитетом. Такие мнения могут встречаться даже у свв. отцов. Само по себе наименование того или иного учителя **отцом Церкви** еще не гарантирует того, что у этого автора по тому или иному вопросу не могло быть ошибочных мнений.

Почему это возможно? Преп. Варсонофий Великий объясняет это следующим образом: «Не думайте, чтобы люди, хотя и святые, могли совершенно постигнуть все глубины Божии, ибо апостол говорит: отчасти знаем, и отчасти пророчествуем (1 Кор.13:9)...

Святые... получив утверждение свыше, изложили новое (свое) учение, но вместе с тем сохранили и то, что приняли от прежних учителей своих, т. е. учение неправое... Они (святые) не помолились Богу, чтобы Он открыл им относительно первых их учителей: Духом ли Святым внушено было то, что им преподавали, но, почитая их премудрыми и разумными, не исследовали их слов; и, таким образом, мнения учителей их перемешались с их собственным учением...»⁴⁹ Действительно, иногда ложные мнения, высказываемые тем или иным отцом Церкви, являются не продуктом его собственной богословской работы, а некритическим заимствованием у какого-нибудь авторитетного учителя прошлого.

Близко к ложному богословскому мнению стоит понятие «ересь» (греч. αἵρεσις — выбор, предпочтение, направление, учение). Первоначально это слово не имело негативного оттенка и использовалось, в частности, для

обозначения различных философских школ античности. Следы такого словоупотребления видны и в Новом Завете, где, например, говорится о фарисейской ереси (Деян.15:5), саддукейской ереси (Деян.5:17) и назорейской ереси (Деян.24:5). Однако уже апостолы употребляли слова ересь (2 Пет.2:1) и еретик (Тит.3:10-11) в значении, которое впоследствии закрепилось за ними в догматическом сознании Церкви. К началу эпохи Вселенских соборов (IV в.), одной из основных задач которых была борьба с ересями⁵⁰, под этим словом стали понимать ложное догматическое учение, искажающее фундаментальные основы христианского вероучения⁵¹.

Возникновение ересей начинается, как правило, с отделения некоторой группы лиц от католической церковной традиции и противопоставления догматическому Преданию Церкви какого-нибудь частного богословского мнения, которое вырывается из общего догматического контекста и абсолютизируется⁵². По своей сути ересь всегда есть предпочтение части истины целостному церковному учению.

Как правило, ересь связана с рационалистическим подходом к данным Божественного Откровения, со злоупотреблением философскими средствами при решении богословских задач, с подменой опытного знания Бога знанием о Боге, с забвением той истины, что «догматы Церкви часто представляются нашему рассудку антиномиями, которые тем неразрешимее, чем возвышеннее тайна, которую они выражают»⁵³. Поэтому задача богословия «состоит не в устранении антиномии путем приспособления догмата к нашему пониманию, но в изменении нашего ума для того, чтобы мы могли прийти к созерцанию богооткрывающейся реальности, восходя к Богу и соединяясь с Ним в большей или меньшей степени»⁵⁴.

Следует отметить, что ересь редко бывает результатом чисто теоретического заблуждения, обычно изобретение ересей и приверженность еретическим учениям является выражением некоторого искажения духовной жизни, подверженности греховным страстям. Климент

Александрийский указывает, что еретикам присущи такие греховные качества, как гордость, самолюбие, самонадеянность, лукавство и т. п.⁵⁵, что собственно, и становится для еретиков причиной сознательного противопоставления себя Церкви.

После того как то или иное ложное учение соборно осуждается Церковью как еретическое, все продолжающие упорствовать в нем рассматриваются Церковью как еретики и подлежат отлучению.

Между ошибочным богословским мнением и ересью не всегда можно установить четкое формальное различие. В истории богословской мысли были случаи, когда некоторые богословские мнения, до определенного времени воспринимавшиеся Церковью как допустимые, впоследствии были признаны ложными и осуждены. Например, некоторые идеи Оригена (III в.) были осуждены в VI столетии, когда некоторые последователи александрийского дидаскала стали делать из его предпосылок выводы, совершенно несовместимые с догматическим Преданием Церкви⁵⁶.

Г). Причины появления догматов

По какой причине появляются догматы? Прежде всего из-за возникновения ересей. Цель догматов — защитить церковное учение от еретических искажений. Само слово, которым в эпоху Вселенских соборов обозначали соборные вероопределения — греческое «орос» (ὄρος), буквально означает «граница», «предел». Формулируя догматы, Церковь защищает чистоту своего учения. Догматы, выраженные в богословских формулах, — это границы, установленные Церковью для человеческого разума, чтобы тот не уклонялся от правильного богопочитания. Это пределы, отделяющие истину от еретических искажений и показывающие человеческому уму, как он должен правильно мыслить о Боге.

По словам В. Н. Лосского, «догмат — это некое средство, некое разумное орудие, дающее нам возможность участвовать в Предании Церкви, некий

свидетель Предания, его внешняя грань или, вернее, те узкие врата, которые в свете Предания ведут к познанию Истины»⁷⁰.

Д) Усвоение догматических истин человеческим сознанием

Полного рационального постижения человеческим умом содержания догмата быть не может.

Свящ. Павел Флоренский называл христианские догматы крестом для человеческого разума⁷⁶: *падший человеческий разум действует, основываясь на предпосылке, что никаких преград для его познавательных способностей не существует, что все существующее так или иначе может быть рационально постигнуто*. Пытаясь же осмыслить догмат, человек должен совершить подвиг самоотречения, отречения от своего разума, т. е. отказаться от претензии на всезнание, на постижение всего и вся. Постигание догматов всегда связано с определенным аскетическим усилием.

Свят. Филарет Московский писал: *«Надобно, чтобы вы... никакую, даже в тайне сокровенную, премудрость не почитали для вас чуждою и до вас не принадлежащею, но со смирением устроили ум ваш к Божественному созерцанию, и сердце ваше к небесным ощущениям»*⁷⁷. Иначе говоря, нужно не приспособлять догмат к своему образу восприятия, а наоборот, пытаться привести свои познавательные способности, ум и сердце в такое состояние, которое позволяет нам понимать смысл догматов.

В процессе усвоения догматов человеческим сознанием можно выделить три последовательных этапа.

Этап первый, когда догмат является предметом простой уверенности или рационального убеждения, но живого и внутреннего отношения к содержанию догмата еще нет. Содержание вероучительной истины человеком не ощущается и не переживается. Догмат остается для человека

некой внешней законообязательной истиной, которую нужно исповедовать только для того, чтобы оставаться членом Церкви и приступать, когда имеется такое желание, к таинствам. Иначе говоря, связь между догматом и духовной жизнью человека отсутствует. Чаще всего причиной такого состояния является человеческая греховность — состояние, которое на традиционном аскетическом языке называется окамененным нечувствием.

Второй этап — это такое состояние, когда восприятие вероучительной истины из области ума переходит в область сердечного чувства. Вероучительная истина начинает ощущаться, переживаться человеком как не просто обязательное внешнее правило, а как истина спасительная, и догмат становится для сознания человека как бы источником света, который просвещает его темные греховные глубины, новым жизненным началом, вносящим в его природу новую, истинную жизнь. Иначе говоря, человек начинает устанавливать связь между своей духовной жизнью, спасением, которого он ожидает, и содержанием догматов. Например, догмат о Пресвятой Троице начинает переживаться человеком как откровение о Божественной любви, а также о любви как основополагающем и единственно верном отношении между людьми, а Боговоплощение — как не просто событие, имеющее своей целью сообщить человеку истинное учение, но как путь к реальному соединению человека с Богом.

То же можно сказать и о других догматах. Например, человек начинает чувствовать, что Церковь — это не только некое учреждение, в котором можно удовлетворить свои «религиозные потребности», а Тело Христово, в котором мы реально соединяемся со Христом и друг с другом.

И, наконец, *третий этап* — это высшее, благодатное состояние, когда догматические истины созерцаются.

Созерцание — это такое переживание человеком содержания догмата, которое приводит человека к непосредственному общению с Богом и соединению с Ним. У свв. отцов переживание содержания догмата действительно возводило ум и душу к непосредственному соединению с

Богом. Догмат непосредственно возводил, возносил их душу, их ум к высшему, являясь своего рода словесной иконой, от которой, как от образа, можно восходить к Первообразу.

Свят. Филарет Московский, рассуждая о таком созерцании применительно к догмату Воскресения Христова, говорит, что Церковь, отвечая на наше желание, не только нам обещает видение Воскресшего в будущем как возможное, но и сейчас возвещает его как уже действительное в словах пасхальной стихиры: *«Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу»*. Если же мы видели воскресение, то видели и Воскресшего: потому что воскресение видимо только в Самом Воскресшем. *«Если положим, что Матерь-Церковь имеет в виду преимущественно достойных и совершенных чад своих, — говорит святитель, — и в их-то лице говорит так уверительно: мы видели Воскресение, то нам, несовершенным и недостойным, остается по крайней мере надежда, что и мы того же можем сподобиться, если поревнуем и потрудимся сделаться достойными и совершенными... Из сего видно... что дара созерцания духовного может сподобиться каждый истинно верующий...»*⁷⁸